

Wokół polskiej obecności w Rosji

Wokół polskiej obecności w Rosji Sztambuch Profesor Wiktorii Śliwowskiej na jubileusz dziewięćdziesięciolecia

Redakcja

Wiesław Caban, Piotr Głuszkowski, Swietłana Mulina,
Eugeniusz Niebelski, Andrzej Nowak

CENTRUM
POLSKO-ROSYJSKIEGO
DIALOGU I POROZUMIENIA

Warszawa 2021

Redakcja i korekta tekstów polskich
Małgorzata Pilecka

Redakcja i korekta tekstów rosyjskich
Swietłana Mulina

Opracowanie graficzne
Karol Górski

Na okładce:

© Copyright by Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia
© Copyright by Wydawnictwo Neriton

ISBN 978-83-66883-04-8 (Centrum)
ISBN 978-83-66018-82-2 (Neriton)

Publikacja dofinansowana przez:
Towarzystwo Miłośników Historii
Instytut Historii PAN z Funduszu Badań Własnych
Rektora Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach

Wydanie I, Warszawa 2021

Wydawnictwo Neriton
Rynek Starego Miasta 29/31
00-272 Warszawa
tel. 22 831 02 61 w. 26
www.neriton.pl
neriton@ihpan.edu.pl

Centrum Polsko-Rosyjskiego
Dialogu i Porozumienia
ul. Jasna 14/16a, 00-041 Warszawa
tel. +48 22 295 00 30, fax +48 22 295 00 31
www.cprdip.pl
cprdip@cprdip.pl

Nakład 300 egzemplarzy

Druk i oprawa
Fabryka Druku

Spis treści

Andrzej Nowak – <i>Ludzie i książki</i>	11
Leszek Zasztowt – <i>Na marginesie książki Rosja, nasza miłość Wiktorii i René Śliwowskich. Kilka osobistych wspomnień rosyjskich</i>	27
Eugeniusz Niebelski – <i>Książki, Syberia, Wiktorii i... zaplątany ja.</i>	41
Zbigniew J. Wójcik – <i>Opowieść nie tylko syberyjska</i>	47
Jan Trynkowski – <i>Wiktorii, moja miłość...</i>	55
Franciszek Nowiński – <i>Jak poznałem Profesor Wiktorię Śliwowską</i>	59
Wiesław Caban – <i>„Tylko go tam nie zakurcie”</i>	67
Magdalena Micińska – <i>„Nie pozwolę na takie głupoty, jakie wyczynia na ulicach policja”. Przypadek hrabiego Leona Grabowskiego</i>	71
Mariusz Kulik – <i>Naukowe konsekwencje pewnej znajomości.</i>	81
Леонид Островский – <i>Судьба ученого. Несколько заметок о профессоре Виктории Сливовской.</i>	85
Валерий Скубневский – <i>Польские рабочие в Сибири в XIX – начале XX века.</i>	91
Измаил Шарифжанов, Анастасия Гатилова – <i>Виктория Сливовская и Казань</i>	101
Marek Radziwon – <i>Kochana Nasza Wiktorio!</i>	105
Anna Barańska – <i>Karta do sztambucha Profesor Wiktorii Śliwowskiej</i>	109
Светлана Мулина – <i>Профессор Виктория Сливовская и картотека польских ссыльных: воспоминания и размышления о польско-сибирских исследованиях рубежа XX и XXI вв.</i>	111
Piotr Głuszkowski – <i>Wiktorii Śliwowska – radość pomagania</i>	119

Борис Носов – <i>Виктория Сливовская и Ольга Павловна Морозова</i> . . .	127
Mirosław Filipowicz – <i>Wisi, do sztambucha, na Jej jubileusz, anegdotycznie</i> . .	133
Barbara Jędrychowska – <i>Pani Profesor Wiktoria Śliwowska – Wiktoria – Wisia</i>	139
Zbigniew Jędrychowski – <i>Likwidacja szkoły dominikańskiej w Nowogrodku</i> . .	145
Andrzej Szwarc – <i>Gawrił Iwanowicz i carska policja. Inwigilacja Gabriela Narutowicza</i>	153
Henryk Głębocki – <i>Car, Imperium i jego ofiary. Czasy Mikołaja I w książkach Profesor Wiktorii Śliwowskiej</i>	163
Марфа Бровченко – <i>К юбилею профессора Виктории Сливовской</i>	185
Алексей Миллер – <i>Три эпизода моего общения с Викторией и Ренэ Сливовскими</i>	189
Валерия Пичугина – <i>Виктория – неоценимый урок человечности</i>	191
Marian Marzyński – <i>Wiktoria wstępuje do raju</i>	197
Wiktoria Moczalowa – <i>Wpis do sztambucha Pani Profesor Wiktorii Śliwowskiej</i>	199
Spotkanie Wiktorii Śliwowskiej ze studentami Uniwersytetu Warszawskiego	201
Lidia Michalska-Bracha – <i>Z nieznannej korespondencji Aleksandra Sochaczewskiego – „malarza polskiej martyrologii”</i>	211
Михаил Супрун – <i>Польская ссылка на Европейском Севере в XIX–XX вв.</i>	219
Artur Kijas – <i>Moja znajomość z Profesorą Wiktoria Śliwowską</i>	229
Imam Mahmud Taha Żuk – <i>Droga Pani Profesor!</i>	233
Maciej Janowski – <i>Moje życie wśród fiszek</i>	235
Anna Brus – <i>Mali pomocnicy</i>	243
Zofia Strzyżewska – <i>Jubileuszowe życzenia</i>	245
Paulina Kopestyńska – <i>Kartka z życzeniami i akwarela</i>	247

Польские рабочие в Сибири в XIX – начале XX века

Польские и российские авторы – специалисты в области польско-сибирской истории традиционно главное внимание уделяли вопросам ссылки поляков в Сибирь, русско-польским революционным связям, вкладу поляков в социокультурные процессы, их цивилизующему влиянию, а в последние годы и добровольным миграциям поляков на восток, адаптации в условиях Сибири. Не могли обойти вниманием исследователи и вопрос о роли поляков в развитии экономики региона, в частности – их участии в формировании кадров рабочих. В то же время обозначенный вопрос редко становился темой специального исследования. Данная статья рассматривает вопросы численности польских рабочих в Сибири, их территориального размещения в регионе, работы в разных отраслях хозяйства. Исследование построено на использовании результатов, накопленных предшествующими авторами, а также материалов Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и других источников.

Говоря о польских рабочих в Сибири, необходимо их разделить на две большие категории – ссыльных и добровольно пришедших в регион. Добровольный найм был явлением больше характерным для конца XIX, и особенно начала XX в. Наиболее значительный приток ссыльных наблюдался после восстаний 1830–1831 гг. (около 10 тыс. человек) и 1863–1864 гг. (от 16 до 20 тыс. человек). В литературе приводятся и более значительные цифры: 20 тыс. со второй половины XVIII в. до 1830-х гг., 50 тыс. после Ноябрьского восстания, свыше 50 тыс. после Январского восстания, 30 тыс. за последующий период, до 1914 г., а всего – 150 тыс. ссыльных¹. Особенно в тяжелой

---

¹ Р. В. Оплаканская, А. И. Савин, Е. Н. Туманик, Б. С. Шостакович. *Поляки, Историческая энциклопедия Сибири*, Новосибирск 2009, т. 2, с. 645–646.

ситуации находились каторжные, для которых работы были формой самого жестокого наказания. Их труд использовался на самых тяжелых работах – на добыче руды, соли, на солеваренных, винокуренных, металлургических заводах, на строительстве и т. д.²

До настоящего времени не потеряли своей значимости подсчеты Сергея Максимова о разделении ссыльных участников восстания 1863 г. на категории (по видам наказания). С весны 1863 г. по 20 декабря 1866 г. всего в Сибирь было сослано 18623 человека, из них ушло на каторгу – 3894, на поселение – 2153, прислано на жительство – 2254, на водворение – 8491 (добровольно пришедших 1830)³. Значительные группы каторжан были в Иркутской губернии, на строительстве Кругобайкальского тракта – около 1 тыс. человек и на Усольском солеваренном заводе – 400 человек⁴.

Ссыльнопоселенцы сами искали источники существования, многие из них нанимались на частные предприятия, на самые разнообразные работы, становились ремесленниками. Рассматривая проблему адаптации участников восстания 1863 г. в Западной Сибири, Светлана Анатольевна Мулина составила базу данных более 4 тыс. человек. По ее подсчетам, „мастерством” занимались 23%, на „вольных”, „разных”, „поденных”, „простых”, „черных” работах использовался труд 7,5%, в услужении, частной службе (дворники, лакеи, прислуга, сторожа, швейцары и др.) были заняты 19,5%⁵. По подсчетам Елены Петровны Береговой, в Минусинском округе Енисейской губернии в промышленности было занято около 300 ссыльных поляков, в Канском округе той же губернии – около 140⁶.

Помогали своим землякам предприниматели польского происхождения. Они давали им работу, предоставляли жилье, опекали. В этом отношении особенно известна деятельность одного из крупнейших предпринимателей Урала и Западной Сибири Альфонса Фомича Поклевского-Козелл. На это обращал внимание Александр Мацеша⁷. Так, многие ссыльные нашли работу на Падунском винокуренном заводе Поклевского в Ялуторовском округе Тобольской губернии.

² *История Сибири*, Ленинград 1968, т. 3, с. 114.

³ С. Максимов, *Сибирь и каторга*, Санкт-Петербург 1871, ч. 3, с. 80.

⁴ С. А. Мулина, *Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири. Монография*, Санкт-Петербург 2012, с. 31.

⁵ *Ibidem*, с. 188.

⁶ Е. П. Береговая, *Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.*, автореферат дисс ... канд. ист. наук, Красноярск 2007, с. 18.

⁷ А. Мацеша, *История польской колонии в Томске. 1604–1900 гг.*, w: *Поляки в Сибири. Поляки о Сибири: материалы I Международной научной конференции* (г. Томск, 3–5 июня 2012 г.), Томск 2012, с. 213.

Колония ссыльных поляков была и на Абаканском металлургическом заводе в Минусинском округе Енисейской губернии. В числе участников восстания, которые работали на этом заводе в 1869–1874 гг., Павел Столяров назвал Эдуарда Войцеховского, Франца Врублевского, Матвея Станчика, Рафала Че[а]рнецкого, Игнатия Михальского, Карла Пржделяцкого, Михала Заруцкого, Яна Бабика⁸. Многие ссыльные устраивались на работу приказчиками в лавки по продаже спиртных напитков, и не только у Поклевских, но и у русских купцов. Хотя приказчиков следует отнести не к рабочим, а к „полупролетарским” слоям. Так, судя по „именному списку лиц, находящихся под надзором полиции” в Бийском округе Томской губернии за 1866 г., подобными работами были заняты Иван Богущ, Владислав Сурвилло, Игнатий Мервилло, Иван Жуковский, Викентий Каминский, Виктор Снарский, Мартин Комоцкий, Константин Стефанович, Слабашкевич⁹. Около 100 польских ссыльных работали на стекольном заводе купца Исаева в Тобольской губернии¹⁰.

Следует учесть, что польская диаспора в Сибири в 60–80-х гг. XIX в. была очень подвижна. Разумеется, мечтой каждого ссыльного было возвращение на Родину, но если этого сделать было невозможно, то стремились перебраться в Европейскую Россию или в самой Сибири переехать из сельской местности в город, лучше - в губернский центр. По подсчетам С. А. Мулиной, из числа 1433 участников восстания 1863 г., отобранных для подсчетов, умерли 508 (36,4%), переселились в Европейскую Россию – 161 (11%), возвратились на Родину – 142 (9,9%), переехали в губернские города Сибири – 355 (24%)¹¹. Миграционная активность объяснялась и тем, что в 1866 г. ссыльнопоселенцам после пяти лет пребывания в ссылке разрешалось причисляться к сельским обществам, а по прошествии 10 лет – в мещанские общества сибирских городов¹². Проживание в городах было более предпочтительно для ссыльных, так как давало шансы лучше устроиться, это касалось и поисков работы.

На рубеже XIX и XX вв. растет приток в Сибирь добровольных мигрантов из Польши, в их числе были рабочие, ремесленники и крестьяне, которые могли пополнять ряды рабочих. Это движение объяснялось рядом причин. Рынок рабочей силы в самой Польше

⁸ П. Столяров, *Абаза-Абаканский завод*, „Rodacy”, 2006, № 1 (34), s. 17.

⁹ Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 170, оп.1, д. 729а, л. 2, 2 об., 3, 3 об.

¹⁰ С. А. Мулина, *Мигранты поневоле...*, s. 90.

¹¹ *Ibidem*, s. 180.

¹² В. Н. Шайдуров, *Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в.*, Санкт-Петербург 2013, s. 175.

(Привислинском крае) был более сформирован, чем в Сибири. Так, среди „самостоятельных” доля рабочих и прислуги обоего пола составляла в 1897 г. в Привислинском крае 39,9%, в Европейской России – 27,7%, в Сибири – 25,4%¹³. Модернизационные процессы в промышленности Польши начались в середине XIX в., и по темпам они опережали аналогичный процесс в империи. В Царстве Польском успешно развивались текстильное, пищевое, металлургическое и машиностроительное производство, была создана сеть железных дорог. Формировались кадры квалифицированных рабочих¹⁴. В Сибири в то же время еще не было безработицы и напротив ощущался дефицит рабочих рук. Во многом это было связано со строительством Сибирской железной дороги. В ряде отраслей народного хозяйства Сибири были выше зарплаты, особенно это относится к квалифицированным кадрам. Все это стимулировало движение рабочих на восток, несмотря на суровый климат Сибири и ее мрачную славу как края ссылки и каторги. Например, в 1899 г. наблюдалось движение рабочих варшавских кирпичных заводов, оставшихся без работы, в Сибирь, где они нашли работу „вдоль линии Сибирской железной дороги”¹⁵.

Перепись населения 1897 г. – один из немногих источников, который позволяет выявить национальный и социальный состав Российской империи и отдельных ее регионов. Специалисты в области польско-сибирской истории и историки рабочего класса Сибири постоянно обращаются к материалам данного источника. Численность поляков в составе рабочих и прислуги Сибири в 1897 г. А. А. Мухин определил в 2,6% от общего числа¹⁶. Василий Павлович Зиновьев на этот же год дает процент поляков в индустриальной сфере Сибири – 1,2, а на транспорте – 4¹⁷. Ряд авторов подсчитывают численность поляков в разных группах производства и на транспорте. При этом учитываются не только рабочие, но и служащие, которых насчитывалось значительно меньше, чем рабочих. Рассматривая участие поляков, немцев и евреев в хозяйственной структуре Тобольской губернии в 1897 г., Владимир Николаевич Шайдуров подсчитал, что процент-

¹³ *Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основе данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.*, Санкт-Петербург 1905, s. VI.

¹⁴ Н. И. Бухарин, *Царство Польское*, в: *Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.*: энциклопедия, Москва 2009, т. 2, s. 1093–1100.

¹⁵ Б. И. Земеров, *Источники формирования и социальный состав железнодорожников Сибири (1894–1917 гг.)* в: *Из истории Сибири*, вып. 8, Томск 1973, s. 68.

¹⁶ А. А. Мухин, *Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861–1917 гг.)*, Москва 1972, s. 67.

¹⁷ В. П. Зиновьев, *Индустриальные кадры старой Сибири*, Томск 2007, s. 86.

ная доля поляков составляла: в группе „прислуга и поденщики” – 1,6; обработка волокнистых веществ – 0,47; обработка животных продуктов – 0,43; обработка дерева – 1,4; обработка металлов – 1,17; изготовление одежды – 1,8; ремонт и строительство – 0,77; водные пути сообщения – 0,55; железные дороги – 2,4¹⁸.

По подсчетам Леонида Казимировича Островского, в 1897 г. на частных предприятиях Томской губернии работали, включая прислугу и поденщиков, 392 поляка, а вместе с членами семей - 551 или 8,6% польского населения губернии. В Тобольской губернии аналогичные показатели составляли 296 человек, а включая членов семей – 466 (8,1% польского населения губернии). В Омске аналогичные показатели составляли 101 человек или 22,5 % самодеятельного польского населения города¹⁹. Анна Сергеевна Жарова подсчитала, что в г. Кургане и Курганском округе Тобольской губернии доля поляков в процентах составила в предприятиях по обработке кожи – 3,6; по обработке сельскохозяйственных продуктов – 2,3; по обработке металлов - 2,9; тканей - 19; среди наемных работников и прислуги – 11,3; в извозном промысле – 1,1; вино- и пивоварении – 3,6; в типографиях – 0,6; на железной дороге – 12,4%²⁰.

Ранее мы на основании данных переписи 1897 г. подсчитали численность и соотношение поляков в разных сферах деятельности в Сибири²¹. Итак, в промышленности было занято „самостоятельных” 4076 человек (28%), кроме того, членов их семей – 1993 (21,1%), всего – 6059 (25,3%). В группе „пути сообщений и сношений”, соответственно 686 человек (4,7%), членов семей 594 (6,3%), всего – 1280 (5,3%). В группе „частная служба и прислуга” аналогичные показатели составили: 1806 чел. (12,4%), 606 чел. (6,4%), 2412 чел. (10,0%).

Материалы переписи дают возможность показать численность рабочих и прислуги – уроженцев губерний Привислинского края

---

¹⁸ В. Н. Шайдуров, *Европейские диаспоры в Западной Сибири: численность, размещение и хозяйственные занятия (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.)*, в: *Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX вв.*, Барнаул 2005, с. 114.

¹⁹ Л. К. Островский, *Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века*, Новосибирск 2016, с. 115.

²⁰ А. С. Жарова, *Польская община Кургана по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г.*, в: *Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: материалы Международной научной конференции*, Новосибирск, 23–24 апреля 2013 г., Новосибирск 2013, с. 323.

²¹ В. А. Скубневский, *Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г.*, в: *Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры*, Казань 1998, с. 174.

в Сибири, они отражены в таблице 1. Здесь Сибирь показана вместе с областями Дальнего Востока, но без Степного края²².

Таблица 1. Распределение рабочих и прислуги в Сибири в 1897 г. по месту рождения

Губерния выхода	Мужчин	Женщин	Обоего пола
Варшавская	796	82	878
Калишская	219	75	294
Келецкая	201	19	220
Ломжицкая	244	18	262
Люблинская	304	21	325
Петроковская	332	24	356
Плоцкая	204	19	223
Радомская	343	10	353
Сувалковская	284	27	311
Седлецкая	325	12	337
Привислинские вообще	10	1	11
Итого	3262	308	3570

Таким образом, больше всего в Сибири оказалось поляков – рабочих из Варшавской губернии. К сожалению, источник не зафиксировал поляков из губерний Западного края и прочих регионов Российской империи. Поэтому численность рабочих поляков в Сибири была в реальности значительно больше, чем отражено в таблице 1. В самой Сибири наиболее высокие показатели численности уроженцев польских губерний среди рабочих оказались в Восточной Сибири Енисейской и Иркутской губерниях: в Енисейской губернии – 1202 мужчин и 90 женщин, в Иркутской губернии – 720 мужчин и 52 женщины. Невелики были показатели на Дальнем Востоке, во всех областях – 422 мужчины и 91 женщина.

Уже после публикации в 1904–1905 гг. основных итогов переписи 1897 г. (они отражены более чем в 100 томах), в 1911 г. издается 3-томное издание *Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев*²³. В нем содержатся

²² *Распределение рабочих и прислуги...*, таблица 2, с. 36–43.

²³ С. Патканов, *Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки*

ценные сведения по исследуемой теме о численности поляков не только по губерниям, областям и городам Сибири, но также вдоль линии Сибирской железной дороги, в горных округах и некоторых промышленных поселках в сельской местности.

Вдоль линии Сибирской железной дороги проживало в 1897 г. лиц польской национальности 1229 мужчин и 301 женщина, всего – 1530 человек²⁴. В том числе в пределах Тобольской губернии 62 мужчины и 17 женщин, в Томской губернии – 387 мужчин и 159 женщин, в Енисейской губернии – 247 мужчин и 58 женщин, в Иркутской губернии – 410 мужчин и 49 женщин, в Забайкальской области – 104 мужчины и 17 женщин и в Амурской области – 19 мужчин и 1 женщина.

В это число не входили жители городов, расположенных вдоль магистрали. Перевес по численности мужского населения свидетельствует о преобладании в данной группе строителей и отчасти эксплуатационников железной дороги, так как в пределах Западной Сибири часть дороги уже была введена в эксплуатацию. Обратим внимание на формирование польской общины в будущем городе Новониколаевске (Новосибирске). Тогда это были поселок Ново-Николаевский (60 поляков), станция Кривошеково (29 человек).

Анализируемый источник также предоставляет информацию о численности поляков в ряде горных округов. В Енисейской губернии: в Северно-Енисейском горном округе – 43 мужчины и 1 женщина, в Южно-Енисейском горном округе – 46 мужчин и 7 женщин, на золотых приисках Заледеевской волости Енисейской губернии – 141 мужчина и 36 женщин. В Якутской области: в Олекминской системе золотых приисков – 74 мужчины и 21 женщина, в Витимской системе – 160 мужчин и 30 женщин, в Нерчинско-Заводском округе Забайкальской области, на золотых приисках Кабинета Его Императорского Величества – 31 мужчина и 20 женщин²⁵.

Кроме того, отметим численность поляков в ряде промышленных населенных пунктов. В деревне Падун, где размещался винокуренный завод Поклевских, проживало 40 мужчин и 24 женщины польской национальности, на Николаевском железоделательном заводе в Иркутской губернии – 93 мужчины и 40 женщин, на Иннокентьевском винокуренном заводе той же губернии – 11 мужчин и 7 женщин, в Усолье – 88 мужчин и 54 женщины, на Абаканском металлургическом

материалов переписи 1897 г.), в 3-х т., Санкт-Петербург 1911.

²⁴ Ibidem, т. 2, с. 50–51, 88–89, 138–139, 166, 252–253, 302–303, 326–327, 330–331, 350–351; т. 3, с. 438–439, 554–555, 640–641, 648–649, 878–879.

²⁵ Ibidem, т. 2, с. 326–327, 344–345, 358–359; т. 3, с. 814–815.

было известно, что „каждый поляк может найти работу на шахтах Собещанского”³¹.

Как и в период строительства Сибирской железной дороги на строительстве новых железных дорог, накануне и в годы Первой мировой войны, активно участвовали поляки, от простых землекопов, до инженеров. На строительстве Алтайской железной дороги (строилась в 1913–1915 гг.) трудились поляки из Варшавской и Гродненской губерний³². В 1910–1913 гг. среди железнодорожников Сибири поляки составляли по оценке А. А. Мухина 4% от всех занятых в данной сфере³³, по оценке Дмитрия Марковича Зольникова – от 3 до 6%³⁴. Значительное число поляков трудилось в депо станции Верхнеудинск (позже Улан-Удэнский паровозо-вагоноремонтный завод), многие из них были репрессированы в 30-х гг. XX в.³⁵. Немало поляков работали в локомотивном депо станции Барнаул и главных мастерских Алтайской железной дороги, там же. В фонде Барнаульского локомотивного депо архива Алтайского отделения Западно-Сибирской железной дороги хранятся списки рабочих с 1915 по 1960 г. Нами выявлено не менее 80 польских фамилий, при этом часто однофамильцев, можно предположить, что многие из них были родственниками. Назовем фамилии Ковальских, Василевских, Муравских, Землянских, Врублевских, Войцеховских, Рудковских и др.³⁶

Как и во второй половине XIX в., в начале XX в. традиционно поляки работали кондитерами, колбасниками, булочниками и в других группах пищевого производства. В 1912 г. из 217 рабочих в булочных и пекарнях Томска 10 человек были поляками³⁷. В Иркутске в 1904 г. в кондитерском заведении Камова 4 кондитера были поляками,

³¹ W. Masiarz, *Działalność gospodarcza i społeczna Ignacego Sobieszczańskiego na Syberii w latach 1905–1920*, w: *Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku*, Wrocław 2007, s. 554–555.

³² П. С. Коновалов, *Рынок рабочей силы, источники формирования и состав строительных рабочих Сибири в эпоху капитализма*, w: *Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма*, Новосибирск 1980, s. 127.

³³ А. А. Мухин, *op cit.*, s. 146.

³⁴ Д. М. Зольников, *Рабочее движение в Сибири в 1917 г.*, Новосибирск 1969, s. 67.

³⁵ Н. Д. Гребенщиков, О. Н. Полянская, *Трудовая миграция поляков в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. (на примере Улан-Удэнского паровозо-вагоностроительного завода (УУПВРЗ))*, w: *Поляки в Сибири, в России и в мире: проблемы изучения: материалы Международного научного симпозиума (Иркутск, 8–12 сентября 2004 г.)*, Иркутск 2006, s. 87–95.

³⁶ *Архив Алтайского отделения Западно-Сибирской железной дороги (Барнаул)*, ф. Барнаульского локомотивного депо, д. 39, 45.

³⁷ П. Мультиановский, *Булочники и условия их труда в г. Томске*, w: *Гигиена и санитария*, Санкт-Петербург 1912, nr 13–14, s. 6.

в кондитерской Ходкевича – 4, в кондитерской Бернацкого – 1, а кроме того – один мальчик, в пряничном заведении Лифанова – 1 и т. д.³⁸

В годы Первой мировой войны польская диаспора в Сибири пополнилась за счет беженцев и военнопленных. По данным Мариуша Коженёвского, численность беженцев, находившихся под опекой польских организаций по оказанию помощи, составляла 7138 человек, более всего в Акмолинской области – 2008, в Томской губернии – 1972 человека³⁹. Но точных данных о пополнении рядов рабочих региона поляками за данный период нами не выявлено. Хотя сибирские историки отмечают существенные изменения в составе рабочих региона в данный период, так как многие местные мужчины были мобилизованы, их места на работе замещали женщины, подростки, беженцы и военнопленные. Если до войны русские в составе рабочих Сибири составляли не менее 80%, то на май 1917 г. – 47,9%⁴⁰.

В целом подводя итоги представленного в статье материала, отметим следующее. Поляки играли в XIX–начале XX в. очень существенную роль в разных сферах народного хозяйства Сибири в экономическом освоении этого края. В период до 1880-х гг. рабочие поляки были представлены в основном ссыльными, либо каторжанами, либо ссыльнопоселенцами, нашедшими работу. На рубеже XIX и XX в. нарастает волна миграции рабочих в Сибирь, и найм приобретает добровольный характер. Поляки работали в самых разных сферах экономики: в горной и обрабатывающей промышленности, на строительстве и эксплуатации железных дорог, а также в сфере услуг. Они были представлены кадрами от чернорабочих до специалистов высокого уровня, например, инженерами на железных дорогах и в горной промышленности. Но тема менеджеров и служащих в промышленности, как отметил томский профессор В. П. Зиновьев, заслуживает специального исследования⁴¹.

³⁸ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 601, оп. 1, д. 3, л. 42 об., 43 об., 44, 44 об.

³⁹ М. Коженевский, *Деятельность Центрального гражданского комитета в Сибири (1915–1918)*, в: *Сибирь в истории и культуре польского народа*, Москва 2002, s. 305.

⁴⁰ *Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период*, Новосибирск 1982, s. 371.

⁴¹ В. П. Зиновьев, *op. cit.*, Томск 2007, s. 106.

Отдельным пунктом в анкете были выделены вопросы о дороге ссыльного в Сибирь: когда был выслан, способ передвижения, с кем, как долго находился в пути? Эти казались бы не столь важные сведения позволяли осветить наиболее трудный и наименее исследованный этап жизни ссыльных, во время которого они часто умирали, совершали побег, менялись документами, заводили знакомства и познавали край, где им предстояло провести несколько лет, а то и всю жизнь. Несмотря на то, что следованию в Сибирь ссыльные уделяли значительное место в своих воспоминаниях, сибирские историки как правило рассматривали этот сюжет с позиции законодательно-правового регулирования процесса этапирования политических преступников.

Еще одним важным пунктом анкеты являлись вопросы, касающиеся возвращения ссыльного на родину и жизни после ссылки, включая данные о его потомках. Этот аспект был совершенно новаторский, поскольку традиционно историю ссылки после восстания 1863–1864 гг. заканчивали амнистией 1883 г., и даже процесс возвращения выпадал из поля зрения историков. Между тем, реадaptация на родине подчас проходила гораздо труднее и болезненнее, чем инкорпорация ссыльного в Сибирь. Изучение жизни повстанцев после возвращения позволило также поставить проблему возвратного движения в Сибирь бывших ссыльных, уже на добровольной основе.

Таким образом, российские исследователи, в советское время тяготевшие к изучению ссылки как правового института или особой странички истории польско-российской конспирации, теперь, работая с анкетой, были мотивированы на сбор совершенно иного материала. В центре их исследовательских практик должен был оказаться человек, и не только как жертва репрессивной системы или представитель конспиративного сообщества. Вся совокупность его социального опыта оказывалась чрезвычайно важной, а сама ссылка стала рассматриваться как непрерывный процесс выстраивания контактов и отношений: с оставшимися на родине родственниками и друзьями, товарищами по неволе, земляками и конечно с представителями принимающего сообщества – царской администрацией и жителями Сибирь.

Процесс налаживания научных связей в конце 1990-х гг. проходил в условиях недоступности интернета. И профессор В. Сливовская поддерживала многочисленные контакты с российскими историками при помощи обычной почтовой корреспонденции. Сложно представить, сколько времени и сил уходило на подобного рода общение с десятками исследователей из различных регионов России. Так летом 1999 г., после возвращения из очередной конференции в Якутске, Виктория писала: „Сейчас – после возвращения в Залесье – я полна энергии (очевидно от солнца, которое мы с белым шаманом встречали